

МЕЗЕНЦЕВ Дмитрий Федорович

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ФАНТОМ СВЕРГАЕТ ЧЕТВЕРТУЮ РЕСПУБЛИКУ ВО ФРАНЦИИ.

Об авторе:

*Председатель Комиссии по информационной политике
Совета Федерации Федерального Собрания РФ.*

*Заместитель председателя Совета Центра
Стратегических Разработок (Москва).*

Кандидат психологических наук.

В истории XX века трудно найти более яркий и убедительный пример воздействия информационных фантомов¹ не просто на общественное мнение, но и на развитие конкретной общественно-политической ситуации, чем события весны 1958 г. во Франции, которые в конечном итоге привели к падению режима Четвертой республики.

Исходным моментом кризиса республиканского строя в стране стало сложившееся у части правых кругов, тесно связанных с армией, убеждение в неэффективности многопартийной парламентской республики с точки зрения отстаивания государственного величия Франции. В этих условиях формировалась политическая установка на ликвидацию прежней республики и установление в стране режима личной власти, свободного и от влияния политических партий с их узкими интересами, и от контроля как парламента, так и общества. В качестве единственно возможного носителя авторитарной власти, будущего «национального арбитра» рассматривался наиболее авторитарный деятель правого лагеря, находившийся в тот момент «не у дел» генерал Шарль де Голль.

Хотя неудачная колониальная война в Алжире и создавала заметную внутреннюю напряженность во французском обществе, широкого политического кризиса в стране не было – четвертая республика пользовалась поддержкой подавляющего большинства своих граждан. Первоначально установка на смену политического режима не была господствующей даже в рядах вооруженных сил: значительная их часть была вполне лояльна к властям республики. В подобной ситуации попытка осуще-

ствить смену режима путем открытого переворота стала бы опасной авантюрой, чреватой тяжелыми последствиями не только для ее инициаторов.

Понимая сложность своего положения, сторонники де Голля пошли по пути организации политико-психологического давления на тогдашний республиканский строй. Кризис начался 13 мая 1958 г., когда была организована инсценировка путча колониальной армии в Алжире против правительства метрополии, что должно было создать в обществе угрозу гражданской войны. В многочисленных исследованиях, посвященных данному вопросу, убедительно доказывалось, что это была именно имитация путча с целью шантажа общества: у алжирских заговорщиков не было реальных сил организовать бросок на Париж с целью свержения республики, а среди высшего командования метрополии далеко не все сочувствовали их планам. Вообще, алжирский путч, как и сопутствовавшие ему события в стране, носил во многом фарсовый характер. Однако он был использован правыми политическими кругами и, что особенно важно, подавляющей частью французской печати, связанной в основном с правыми, для создания и стремительного внедрения в умы миллионов французов грандиозного информационного фантома – представления о том, что Франция глубоко расколота, стоит на пороге гражданской войны и лишь приход к власти «национального арбитра», стоящего «над партиями» и их политическими страстями, – генерала де Голля – может еще спасти страну.

Безусловно, кризис Четвертой республики имел глубокие политические причины, связанные с неудовлетворенностью как правящих кругов страны, так и значительной части общества положением Франции в 50-е годы. Утрата Францией, по мнению большей части общества, прежнего статуса одной из великих мировых держав, постепенный распад колониальной империи, сопровождавшийся болезненными

¹ Информационный фантом – совокупность достоверной, недостоверной и/или заведомо неполной информации, используемой как инструмент формирования требуемых социальных и политических установок. См: Мезенцев Д. Ф. Психологическое воздействие информационных фантомов // Вестник политической психологии, № 1, 2002.

для национального престижа поражениями, вовлечение Франции в орбиту американской гегемонии в Северо-Атлантическом блоке – все это серьезно травмировало французское общество, создавая **психологические предпосылки политического кризиса**.

Главным толчком к появлению этих предпосылок явилась начавшаяся в ноябре 1954 года **тяжелая и затяжная война в Алжире**, важнейшей французской колонии, имевшей большое значение в глазах общественного мнения страны. Хотя сменявшие друг друга республиканские правительства были полны решимости удержать Алжир, доведя к 1957 году численности действовавшей там армии до 400 тыс. человек, перелома в войне достичь так и не удалось, а ее человеческие и материальные издержки становились для страны с каждым годом все тяжелее, создавая ощущение гнетущего тупика в алжирской проблеме.

С точки зрения правых кругов, достижению победы мешала все более очевидная слабость Четвертой республики, не способной к эффективному ведению войны, зависимой от постоянно менявшегося большинства в Национальном Собрании (которое, к тому же, почти на одну четверть состояло из депутатов-коммунистов). У правых все большую популярность приобретала **идея перехода Франции к авторитарному политическому режиму**, свободному от влияния парламентских партий.

Планы смены политического режима имели большое число сторонников не только в правых партиях Франции, но и в вооруженных силах, и в самой властной элите страны, включая Президента республики Р. Коти, который неоднократно, хотя и в осторожных выражениях, высказывался за пересмотр конституции с целью создания государства «сильной власти». Зондаж позиции Ш. де Голля, осуществляемый инициаторами переворота, привел их к выводу, что генерал готов взять на себя ответственность за судьбу Франции, но только не в рамках существующего парламентского строя Четвертой республики: предварительным условием своего прихода к власти он ставил получение **права на изменение основ этого строя**. ореол национального героя, окружавший де Голля – лидера французского Сопrotивления в годы Второй мировой войны – и превращавший его в своего рода «национальный миф», подчеркнутая дистанцированность от суеты текущей политической борьбы наряду с общественной приверженностью «величию Франции» делали его единственно возможной в тех условиях фигурой для осуществления столь масштабной задачи.

Психологическое наступление на режим Четвертой республики началось 27 марта 1958 года встречей Ш. де Голля с членами Комитета действий национальных ассоциаций бывших военнослужащих (КААНАК) – одной из продегаллевских организаций. В опубликованном сообщении говорилось, что генерал подверг политические институты страны резкой критике и заявил, что «под давлением событий и прогрессирующего паралича существующего режима он, не испытывая особого желания, тем не менее не откажется от ответственности и мог бы взять в свои руки судьбы нации»². Это стало сигналом к **развертыванию широкомасштаб-**

ной кампании **за возвращение «символа отечества» к власти**: организуются манифестации, пока еще не столь многочисленные, в Елисейский дворец приходят письма с требованиями типа «На краю пропасти не ждите дальше, чтобы призвать генерала де Голля». С апреля 1958 года во многих французских городах появляется лозунг «Призовем де Голля, и Франция станет Францией».

Для появления во Франции чрезвычайного правительства требовалось **искусственное создание в стране чрезвычайного положения**, при котором любые меры могли представляться оправданными, и, как явствует из многих относящихся к тем дням свидетельств, предпочтением было отдано «фантомному» варианту.

Предпочтительность «переворота-фантома» объяснялась еще и тем, что, несмотря на интенсивную работу сторонников смены режима, обладавших достаточно сильными позициями в армии (их поддерживал даже начальник Генерального штаба Эли), полной уверенности в готовности вооруженных сил выступить против республики ни у кого из них не было. Им удалось заручиться содействием ряда командующих военными округами и отдельными частями (особенно в элитных войсках, например, среди знаменитых парашютистов и в Алжире), но основная масса армии была вполне лояльна к республиканскому строю и отрицательно настроена к возможному (в случае переворота) началу гражданской войны. Все это склоняло заговорщиков (из числа военных) к идее ограничиться выбором «мини-путча» в качестве инструмента политического шантажа, причем не в самой метрополии, а в Алжире, где они пользовались гораздо большим влиянием, а затем с помощью разветвленной политической клиентуры и средств массовой информации **развернуть** в самой Франции **кампанию массированного психологического давления на правительство и Национальное собрание**, используя угрозу «броска на Париж» и развязывания гражданской войны. Именно этот сценарий и был реализован в стране после 13 мая 1958 года, когда механизм смены режима был приведен в действие. Суть механизма состояла в организации одновременных выступлений против республики в Париже и Алжире, что положило начало открытому политическому кризису.

Вот как описывает тот майский день Г. М. Ратиани, бывший непосредственным очевидцем тех событий, в своей книге³: *«Над Бурбонским дворцом висят полицейские вертолеты. Темно-синие автобусы полиции закрывают вид на мост Согласия. В Национальном собрании заседание прервано. В маленьком дворике между чугунной оградой, выходящей на набережную Орсей, и подъездом, ведущим в вестибюль парламента, собралось уже сотни полторы журналистов, депутатов, служащих Национального собрания. Каждый спрашивает, что происходит. Старый швейцар, проверяющий пропуск у входа, объясняет, что полиция сдерживает манифестантов на мосту Согласия. «Точно так было в 1934 году», – равнодушно поясняет он».*

Как выяснилось вскоре, манифестантов, бесновавшихся часа полтора и подогревавших себя криками: «Депутатов – на виселицу, генералов – к

² Ferniot J. De Gaulle et le 13 mai. Paris, 1965, p. 174-175.

³ Ратиани Г. М. Франция: судьба двух республик. М., 1980.

власти, долой республику!», набралось не более двух тысяч. Чтобы разогнать их, полиции не требовалось и десяти минут. И хотя их беспрепятственно пропустили до самого моста Согласия, внушительного зрелища все же не получилось. Пройдя через весь центр столицы, они нигде, даже в богатых кварталах, не пополнили своих рядов, вызывая лишь любопытство прохожих.

Значительно успешнее действовала полиция. Даже при такой хилой манифестации шум вертолетов, вой полицейских сирен, темная масса жандармских автобусов, каски и длинные дубинки, загадочные маневры проходящих шеренгами полицейских – вся эта декорация в какой-то степени восполняла жалкий водевиль антипарламентской манифестации. Подобные действия полиции продолжались еще более двух недель по всему Парижу. Предназначенные якобы для защиты парижан от воображаемого противника, они **представляли собой настоящую психическую атаку.**

Почти в тот же момент, когда полиция «самоотверженно защищала» парламент на мосту Согласия, мешая мирным конторским служащим и продавцам модных магазинов вовремя вернуться с работы домой, на ленте телетайпов, установленных в зале «Потерянных шагов» Бурбонского дворца, появились первые тревожные сообщения о проходящих в Алжире шовинистических манифестациях.

В алжирской столице в роли «народа» выступали, под охраной парашютистов, сынки богатых европейцев, поощряемые своими умиленными мамашами и папашами, люди, обманутые шовинистической и расистской пропагандой, а также своеобразный слой «люмпенов» европейского происхождения – людей без определенных занятий, которые были неотъемлемой частью этого большого портового города. «Золотая молодежь» имела своего вожда – бородатого вечного студента Лагайяра, крикуна и дебошира студенческих собраний и «патриотических» манифестаций. **Большого труда стоило внушить** этой молодежи, что она должна поднять восстание, ибо участники манифестации никак не могли понять, **против кого же им надо восставать.**

Поль Жерен – журналист из крайне правой парижской газеты «Париж-пресс-энтрансжан», которую никак нельзя заподозрить в критическом отношении к участникам мятежа 13 мая, горячий сторонник «французского Алжира» – так описывает виденные им в этот день сцены у здания генерал-губернаторства: «На площади безобразники 14-15 лет с великой радостью, вооружившись гаечными ключами, ломали стоявшие автомашины...». Таков был этот «гневный народ», с которым не могло справиться французское командование, имевшее под рукой несколько полков парашютистов.

Теперь оставалось только создать в Алжире «Комитет общественного спасения». Около здания генерал-губернаторства собралось уже несколько тысяч ротозеев. Самые смелые бродили по коридорам и не знали, что же им делать дальше. Вот рассказ самого Лагайяра: «*В течение сорока пяти минут никто не хотел брать на себя ответственность. Все меня ругали и заявляли, что я виноват, заварив всю эту кашу. Но вот наконец приехал генерал Массю, и через четверть часа был*

сформирован “Комитет общественного спасения”»...

Во всей этой грандиозной инсценировке легко увидеть типичную **информационную конструкцию фантомного типа**, когда некие реальные события, истинная масштабность и значимость которых отражаются в многократно усиленном и искаженном виде, служат исходным материалом для появления интересующей политической установки: республиканский режим изжил себя, патриотическая общественность Алжира и метрополии требует решительных действий, армия готова поддержать эти действия, и единственный человек, который мог бы встать над противоборствующими силами, обеспечив порядок в стране и победу в Алжире, – прославленный национальный герой генерал де Голль.

Первоначальный замысел сторонников генерала состоял в «закрытом» использовании созданного ими информационного фантома – не столько для масс, сколько для политической элиты, кругов, близких к Национальному собранию. Предполагалось, что в условиях «алжирского путча» кандидатура Пфлимлена будет провалена голосами как слева, так и справа, и под напором психологического наступления «общественности» президент республики поручит формирование правительства с чрезвычайными полномочиями «национальному арбитру» – Шарлю де Голлю.

Роль правительства «защиты республики» как ведущего архитектора нового информационного фантома сводилась к **имитации чрезвычайных мер в условиях якобы чрезвычайного положения**, вызванного как антиреспубликанским военным мятежом в Алжире, который вот-вот может привести к высадке парашютистов в Париже и установлению в стране правонационалистической диктатуры, так и подрывными действиями коммунистов и левых профсоюзов, стремящихся ввергнуть Францию в смуту. **Главным ретранслятором** всех этих ожиданий, страхов и сомнений со скрытыми в них политическими установками на необходимость ускоренной смены режима **стали средства массовой информации**, прежде всего, газеты страны (кроме изданий левых партий и профсоюзов) с их постоянным в эти дни рефреном: «Де Голля – к власти».

То, что все это было разраставшимся на глазах информационным фантомом, подтверждается целым рядом обстоятельств. **Главные «мятежники» в Алжире остались на своих высоких постах**, они не только не были объявлены вне закона, но по-прежнему являлись официальными представителями центральной власти в колонии. Фантомной была и политическая решимость алжирских военных, якобы бросивших ультимативный вызов парижскому правительству. Характерно, что глава алжирских мятежников генерал Салан, действия которого послужили предлогом для объявления на территории Франции чрезвычайного положения и парашютистов которого со страхом ждали в Париже, все эти дни регулярно направлял служебные отчеты о своих действиях кабинету Пфлимлена, а в телефонных разговорах с премьер-министром и министром внутренних дел Жюлем Мокком неизменно заверял их в своей приверженности «республиканской законности».

Однако **главную роль в создании колоссально-го информационного фантома «приближающих-**

ся испытаний» играло само правительство «защиты республики», возглавляемое Пфлимленом. Почти принудительно удерживаемое у власти поддержкой депутатов от ФПК, оно стремилось передать эту власть сторонникам де Голля, всячески показывая, что только они могут предотвратить надвигающуюся гражданскую войну. Выступая 16 мая в Национальном собрании, Пфлимлен заявляет, что «существует заговор против республики и установленного порядка», и демонстрирует решимость «поставить самым серьезным образом вопрос о месте армии в стране». Однако практические меры кабинета свелись к серии показательных жестов, самым серьезным из которых стало **введение в действие закона о чрезвычайном положении**. Используя фантом «алжирского путча» для конструирования политико-психологического состояния «республика в опасности!», правительство в то же самое время стремилось избежать любых шагов, которые могли бы на деле изменить сложившуюся ситуацию, проявляя при этом предельную лояльность к своим якобы противникам.

Сам генерал де Голль чрезвычайно умело использовал сложившуюся психологическую ситуацию, подтвердив на пресс-конференции 19 мая свою готовность взять власть, если она будет предложена ему должным образом. Подчеркивая, что события «неизбежно приведут к насилию» и что «нужно торопиться с решением, потому что дела и мысли движутся быстро», де Голль дал понять, что для предотвращения надвигающейся гражданской войны ему **нужны полномочия верховного арбитра**, для получения которых Национальному Собранию **нужно применить исключительную процедуру**.

Буржуазные газеты развернули по всей Франции кампанию за де Голля в совершенно невиданных размерах. Каждая на свой лад, они **все повторяли одно и то же: нет другого выхода**. Буржуазная печать имела ежедневный тираж около 30 млн. экземпляров, и почти все они попадали в руки французского читателя, своими редакционными статьями, корреспонденциями из Алжира, информацией и заголовками, фотографиями и карикатурами убеждая дать событиям «естественный ход», не вмешиваться «в предначертанную Франции судьбу». Кроме того, **чтобы усилить обстановку тревоги и нервозности, использовались сложная сеть агентуры, распускающей всевозможные слухи**, и полулегальные комитеты, распространяющие листовки и прокламации.

Проблемой и для де Голля, стремившегося как можно скорее взять в свои руки государственную власть, и для Пфлимлена, стремившегося как можно скорее ему ее уступить, было все еще сохранявшееся республиканское большинство Национального собрания. **Главный инструмент информационно-психологического давления** сторонников смены режима – угроза неизбежности гражданской войны – **оказался действенным** в отношении правительства, **но не в отношении большинства Национального собрания**. Правительству было трудно уйти в отставку, получая при каждом голосовании (с огромным перевесом) подтверждение доверия к себе, но еще труднее было бы обеспечить

голосование в поддержку кабинета де Голля, если бы Президент предложил ему сформировать новое правительство в рамках законной процедуры. Требовалось предварительно расколоть республиканское большинство. В этой ситуации официальные руководители республики пошли на дальнейшее расширение масштабов политического кризиса.

Психологический маневр с некоторой задержкой официального выдвижения де Голля на пост главы правительства принес сторонникам смены режима политический успех. А в изменении отношения социалистов, которые составляли значительную часть Национального собрания, к возможности прихода к власти генерала де Голля особое значение имела активная деятельность двух влиятельных лидеров партии – Ги Молле и В. Ориоля. Их авторитет и психологическая ориентация большинства депутатов соцпартии на стремление избежать раскола общества и кровопролития гражданской войны сказались на исходе голосования их парламентской группы: **отвергая в целом программу де Голля, ориентированную на смену режима**, они в то же время 62 голосами против 39 **высказались за возможность его прихода к власти конституционным путем**. Аналогичным оказалось положение и в партии радикалов. Это был **решающий момент** в политико-психологической войне во Франции – путь к смене политического режима был фактически открыт.

Факты, лежавшие в основе разраставшегося в считанные дни мая 1958 г. **информационного фантома, носили вполне реальный характер**. Однако их соотнесение друг с другом и особенно **интерпретация средствами массовой информации создавали в общественном сознании совершенно ложную картину действительности**. В умах миллионов людей сложился грозный «призрак» гражданской войны, реальная опасность которой была крайне мала. Представление о полном банкротстве Четвертой республики не соответствовало истине: подавляющее большинство депутатов поддерживало законное правительство, а подавляющее большинство французов – законно избранное Национальное Собрание. И тем не менее **шантаж информационным «призраком» сыграл свою роль**. Важно отметить, что руководители республики капитулировали, не сделав даже серьезной попытки оказать сопротивление давлению относительно немногочисленных заговорщиков, добровольно передав власть правительству Шарля де Голля, обозначив реальную возможность последующего пересмотра Конституции.

Любопытно, что не только угроза, содержащаяся в **«майском фантоме»** 1958 г., была призракной – **призрачной была и его позитивная программа**, в чем всего через три года пришлось убедиться самим алжирским «заговорщикам». Ключом для прихода де Голля к власти служили слова «Алжир останется французским», и в мае 1958 г. людей убеждали, что новый режим будет гораздо эффективнее вести колониальную войну, сохранив «заморские» департаменты Франции. На самом же деле, авторитарная Пятая республика осуществила прямо противоположное: убедившись в недостижимости победы в Алжире, генерал де Голль принял решение отказаться от колониальных претензий, предоставив этой стране независимость.